

Семантическая характеристика нормативных предписаний нового УПК РФ

Принятию нового УПК РФ предшествовала большая работа. В процессе обсуждения было подготовлено несколько законопроектов, которые всколыхнули всю юридическую общественность. В результате многолетних трудов родился новый УПК, который отличается глубокой продуманностью, демократизмом, приближенностью к реалиям действительности, разработанностью правовых гарантий. По сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР, в нем нашли более полное толкование категориальный аппарат (ст.5 УПК), правовой статус субъектов (ст.ст.37, 42, 47 и др.), возросло число новелл (апелляционное производство, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, производство в отношении отдельных категорий граждан и др.); отдельные уголовно-процессуальные отношения получили более подробную регламентацию.

Вместе с тем эти положительные сдвиги не придали (да в силу философской сущности и не могли придать) полной ясности существующим уголовно-процессуальным отношениям. Проявилась закономерность: чем больше обсуждаются законопроекты, тем больше выявляется вопросов для обсуждения. Данное положение объясняется сложностью регламентации уголовно-процессуальных отношений.

В качестве примера можно привести ст.50 УПК, которая предусматривает приглашение подозреваемым, обвиняемым, его законными представителями, другими лицами защитника. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором или судом. В случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае отказа принять меры к назначению защитника. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве следственного действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашают другого защитника и не ходатайствуют о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное следственное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных п.п.2-7 ч.1 ст.51 УПК.

*© Белоносов В.О., 2003

На данном примере видно, что общее правило «защитник должен участвовать в уголовном деле» имеет много исключений и оговорок. Подобное положение типично для уголовного процесса. Можно констатировать, что уголовный процесс — *это правила с большим количеством исключений*, отличительной чертой уголовного процесса является наличие большого количества исключений.

Данное качество связано с другой особенностью УПК — *наличием большого количества отсылочных статей*. В целях законодательной экономии, чтобы избежать излишних повторений, законодатель не очерчивает полностью всех элементов правовой нормы, а прибегает к использованию метода отсылок, который иногда именуется «соответственным» применением права¹. Такое название обусловлено тем, что текст большинства уголовно-процессуальных норм содержит формулировки «соответственно применяются правила статей...», «применяются соответственно статьи...» и т.д. Метод отсылок придает определенность уголовно-процессуальному регулированию; им достигается логическая связь и последовательность изложения, связность нормативного материала общим содержанием, лучшая обозримость и доступность уголовно-процессуальных норм, стабильность законодательства². Вместе с тем метод отсылок может в определенной степени затруднить пользование законодательством, потребовать дополнительных усилий для правильного понимания уголовно-процессуальных норм.

Это может иметь место в том случае, когда отсылочные нормы объединяются в последовательные цепи и составляют большой замкнутый круг. Например, чтобы правильно понять полномочия суда в ходе досудебного производства личного обыска (п.6 ч.2 ст.29 УПК), надо обратиться к ст.93 УПК, говорящей, что подозреваемый может быть подвергнут личному обыску в порядке, установленном ст.184 УПК. В свою очередь ч.1 ст.184 УПК «Личный обыск» отсылает к ч.3 ст.182 УПК «Основания и порядок производства обыска», а последняя к ст.165 УПК «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия». Ч.1 ст.165 УПК возвращает нас обратно к ст.29 УПК. Таким образом, система отсылок возвращает нас в исходное положение и замыкает круг.

Анализ ссылок позволяет констатировать, что их число в новом УПК РФ увеличилось по сравнению с УПК РСФСР. Если в УПК РСФСР из 482 статей в 178 (36, 92%) содержались ссылки, то в УПК РФ из 473 статей в 267 (56,44%) имеются ссылки. Это позволяет утверждать, что содержание нового УПК *стало более взаимосвязанным*. Вместе с тем следует отметить, что система ссылок ох-

ватывает не только громоздкие, но и компактные статьи УПК РФ: 76, 85, 93, 137, 251, 269, 270, 317, 320, 322, 368, 401. Если в одних случаях ссылки помогают сохранить лаконичность законодательства, то в других случаях ссылки носят не конкретный, а общий характер. Например, ст.384 ссылается на весь УПК, ст.ст.45, 55 ссылаются на ГК РФ. В последнем случае вряд ли такие ссылки облегчают пользование законодательством. Сеем предположить, что подобная система ссылок *представляет определенную трудность* в том смысле, что заставляет учитывать все сопутствующие правила регламентации уголовно-процессуальных отношений во всем их многообразии. Особенно это актуально для граждан, начинающих юристов или в период введения в действие нового законодательства. Да и опытные юристы также могут испытывать трудности в правильном понимании редких, нетипичных ситуаций, в которые могут попадать правоприменители.

Хотя новый УПК и отличается высокой степенью разработанности, тем не менее, и он имеет ряд погрешностей. Отдельные нормы не совсем правильно регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, поэтому подлежат толкованию по объему.

Например, расширительному толкованию подлежит правило, установленное ч.6 ст.49 УПК о запрете лицу быть защитником *двух* подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого. Запрет быть защитником двух субъектов надо понимать расширительно, он распространяется и на большее число подзащитных. В связи с этим возникает вопрос, может ли запрет толковаться расширительно? В данном случае, конечно.

Наоборот, ограничительному толкованию подлежит порядок производства личного обыска в порядке ст.93 УПК, которая ссылается на ст.184 УПК. Там сказано: «Личный обыск *может быть* произведен... при задержании лица и заключении его под стражу...». В данном случае выражение «может быть», которое предполагает альтернативу, должно толковаться как «должен быть» без альтернативы. Поэтому выражение «может быть» в ст.ст.93, 184 УПК надо толковать ограничительно.

Также ограничительно должна толковаться и ст.289 УПК, регламентирующая предъявление для опознания в суде в соответствии со ст.193 УПК. Досудебное предъявление для опознания, регламентированное ст.193 УПК, предусматривает наличие понятых, а в суде их участие становится излишним. Поэтому хотя ст.289 УПК и предлагает применять правила, предусмотренные ст.193 УПК, но толковаться они должны ограничительно.

Ряд статей УПК вызывают вопросы с точки зрения логики. Например, ст.94 УПК представляет альтернативный вариант поведения должностного лица. Первый заключается в том, что дознаватель, следователь, прокурор должны составлять постановление об освобождении подозреваемого при наличии ряда юридических фактов (ч.1 ст.94 УПК). Второй вариант: если дознаватель, следователь, прокурор не составят этого постановления, то подозреваемого все равно отпустят по истечении 48 часов (ч.2 ст.94 УПК). Результат и в том, и в другом случаях получится одинаковый. Спрашивается, зачем тогда что-то делать, учитывая большую загруженность перечисленных должностных лиц?

Часто в УПК встречаются безличные обороты, например, «обвинение должно быть предъявлено», «мера пресечения отменяется (избирается)» (ст.100 УПК), «уголовное дело возбуждается» (ст.ст.20, 147), «копия обвинительного заключения (обвинительного акта) вручается» (ст.ст.222, 226 УПК). Особенность этих оборотов заключается в том, что воспринимать их надо не в прямом, а в обратном порядке, что также может представлять определенную трудность для правоприменителя. Например, не уголовное дело возбуждается, а только прокурор возбуждает уголовное дело.

Подобные разъяснения иногда могут находиться в тексте УПК, а иногда лишь подразумеваться. Например, в п.1 ст.97 УПК говорится, что «дознаватель, следователь, прокурор, а также суд *в пределах предоставленных им полномочий*» могут совершать определенные процессуальные действия по избранию и применению мер пресечения. Формулировка «в пределах предоставленных полномочий» не совсем ясна и предполагает использование систематического способа толкования. Например, данный вопрос имеет актуальность в случае обнаружения в судебном заседании новых преступных деяний или причастность к преступлению новых лиц (преступные деяния со стороны свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика и иных участников процесса). Согласно ст.ст.255, 256 УПК РСФСР. суд имел возможность реагирования на вновь установленные преступные деяния и деяния ранее неизвестных лиц. При вынесении приговора суд мог возбудить уголовное дело в отношении свидетеля, потерпевшего, эксперта, давших заведомо ложные показания или заключение. Если в прежнем УПК это правоотношение как-то регламентировалось, то в новом УПК законодатель оставил этот вопрос на усмотрение правоприменителей (может быть прокурора, участвующего в судебном заседании), что не является наилучшим вариантом.

В новом УПК мы встречаем фразы безупречные в стилистическом отношении, что затрудняет процесс их толкования. Например, в ч.3 ст.341 УПК читаем: «С наступлением ночного времени, а с разрешения председательствующего также по окончании рабочего времени присяжные заседатели вправе прервать совещание для отдыха». Согласно п.21 ст.5 УПК, ночное время начинается в 22 часа. Таким образом, мы получаем правило: после окончания рабочего времени (обычно в 18 часов) необходимо разрешение председательствующего в судебном заседании на прекращение работы, а с 22 часов такого разрешения не требуется. Либо это слишком глубокая мысль, либо она не четко выражена. Если имеется в виду ненормированный характер труда судей, то присяжные заседатели являются гражданскими лицами и на них распространяются нормы КЗоТа, а не положения о прохождении службы.

Другой разновидностью стилистических погрешностей является наличие в УПК повторяющихся однокоренных или тех же слов. В ч.4 ст.106 читаем: «В случае невыполнения или нарушения подозреваемым, обвиняемым обязательств, связанных с внесенным за него залогом, залог обращается в доход государства...» Такое повторение одного и того же слова является не лучшим вариантом. Во втором случае можно было бы заменить слово «залог» прилагательным «который».

В ч.1 ст.315 УПК: «Ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с *предъявленным обвинением обвиняемый* заявляет в присутствии защитника». В данном случае разумно было бы поменять порядок слов в предложении, например, «обвиняемый заявляет в присутствии защитника ходатайство о постановлении приговора...»

В ч.1 ст.457 термин «принцип взаимности» повторяется два раза подряд. Не совсем удачно выражение о возвращении *залога залогодателю* (ч. 5 ст.106 УПК). Некоторые могут возразить, что существительные «залог» и «залогодатель» являются терминами, и их невозможно заменить другими словами. Может быть, но еще В.М.Савицкий писал, что как это ни банально, но при подготовке законов надо использовать специалистов русского языка¹.

Говоря о терминах, не совсем понятно, чем принципиально «постановление» отличается от «определения», а при чтении нового УПК это непонимание только усиливается. Например, в ст.241 УПК неоднократно встречается выражение «определение или постановление суда». Согласно п.25 ст.5 УПК, «постановление» — это решение, выносимое единолично судьей, а не судом, но в то же время это мо-

жет быть и решение почему-то президиума суда (т.е. решение коллегиального органа). С «определением» дело обстоит еще сложнее. Согласно п.23 ст.5 УПК, это коллегиальное решение, но сюда не входят решения апелляционной инстанции (что можно понять, т.к. судья апелляционной инстанции единолично рассматривает дело) и почему-то также не входит решение надзорной инстанции (логически это не поддается объяснению).

Формулировка п.23 ст.5 УПК «вышестоящий суд за исключением суда апелляционной или надзорной инстанции» наводит на мысль, что это может быть только кассационная инстанция. И в ч.2 ст.378 УПК находим подтверждение, что решение суда кассационной инстанции выносится в форме определения. Но ч.8 ст.407 УПК вносит опять непонимание: в надзорной инстанции судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ выносит определения, а Президиум Верховного Суда РФ выносит постановления. И мы вспоминаем, что, согласно п.25 ст.5 УПК, президиум суда выносит постановление.

Формулировку ч.4 ст.367 УПК «суд апелляционной инстанции выносит постановление» следует понимать как «судья единолично выносит постановление».

А теперь попробуйте все это запомнить и научить этому студентов. По своей сущности одинаковые процессуальные решения имеют надуманные формальные различия. Может быть, стоит унифицировать эти понятия?

Говоря о терминах, хочется обратить внимание на уникальный феномен: глаголы «вносить» и «выносить», различные в обыденном понимании, становятся синонимами в юридическом языке. В ч.2 ст.412 УПК читаем: «Надзорные жалоба или представление на приговор, определение или постановление суда, *вынесенные* после отмены предыдущих решений в кассационном порядке или в порядке надзора, могут быть *внесены* в порядке...» Хочется понять, все таки постановления надо вносить или выносить?

Еще один пример внутренней несогласованности УПК. Глава 49 называется «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых *или* вновь открывшихся обстоятельств», во многих статьях этот институт так и называется, но только не в ч.3 ст.416 УПК, где союз «или» превращается в союз «и». Что это, техническая ошибка?

В ст.425 УПК, говорящей о допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого указывается, что участвующий защитник вправе задавать вопросы несовершеннолетнему, а педагог и психолог вправе с *разрешения прокурора, следователя, дознавателя* задавать

вопросы несовершеннолетнему. Хочется уточнить, так защитник вправе задавать вопросы с разрешения прокурора, следователя, дознавателя? Ведь не секрет, что злоупотребление правом может быть у разных участников процесса. Не будет ли такая формулировка истолкована дословно, не сыграет ли здесь языковое толкование свою отрицательную роль?

Вызывает недоумение согласие Конституционного Суда РФ на возбуждение уголовного дела (п.2 ч.3 ст.448 УПК), в то время как суды дистанцировались от возбуждения уголовных дел.

Труднообъяснимо, почему срок обжалования приговора в кассационном порядке составляет 10 суток (ч.1 ст.356 УПК), а срок обжалования в кассационном порядке в Верховный Суд РФ определения суда составляет 7 суток (ч.9 ст.463 УПК).

Почему при формулировании принципа гласности судебного разбирательства и его исчерпывающего содержания (ст.241 УПК), законодатель дополнительно в ч.2 ст.448 и ч.1 ст.473 УПК говорит о рассмотрении вопросов в закрытом судебном заседании? Не является ли это противоречием?

Не совсем понятно, почему законодатель разрешает соединять уголовные дела лишь на основании постановления прокурора (ч.3 ст.153 УПК), а выделять уголовные дела в отдельное производство только на основании постановления прокурора, но и постановления следователя или дознавателя (ч.3 ст.154 УПК). Ведь это два однотипных действия, которые было бы разумно унифицировать в процессуальном плане.

Определенные вопросы по новому УПК вызывает институт освидетельствования. Если допустимо производство этого следственного действия врачом без присутствия следователя (ч.4 ст.179 УПК), то кто составляет протокол: врач, который не является процессуальной фигурой, или следователь, который не присутствует при освидетельствовании, а вынужден заочно составлять протокол со слов врача? Думается, что оба эти варианта неприемлемы. Разумнее было бы в порядке ст.38 УПК дать поручение органу дознания (лицу нужного пола) произвести это следственное действие. Подобное поручение через начальника следственного отдела может даваться и другим следователям.

Не вполне ясно изложена ст.167 УПК, говорящая об удостоверении факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола. В качестве необходимых условий законодатель перечисляет подписи следователя, а также защитника, законного представителя, представителя или понятых. Такая формулировка

ставит ряд вопросов. То, что подпись следователя должна быть обязательно, сомнений не вызывает, и законодатель ее дистанцировал от других существительных союзом «а также». А вот что касается подписей других лиц, то тут возникает вопрос, сколько должно быть этих подписей, одна или несколько? Выражение «подписи защитника, законного представителя, представителя или понятых», видимо предполагает альтернативу. Это подпись либо защитника, либо законного представителя, либо представителя, либо понятых. На это указывает и союз «или», предполагающий альтернативу. Но, видимо, допустимо в протоколе ставить подписи и нескольким субъектам. Например, следователю, защитнику и законному представителю. А возможно ли ставить подписи понятым, участие которых не предусмотрено следственными действиями? В правоохранительных органах имело распространение практика участия самих сотрудников милиции, дружинников в качестве понятых. ст.60 УПК запрещает работникам органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия, быть понятыми. В отношении дружинников, внештатных сотрудников такого запрета нет.

Вызывает несогласие формулировка ч.2 ст.77 УПК о том, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Принцип презумпции невиновности не позволяет ни при каких обстоятельствах признание обвиняемым своей вины класть в основу обвинения. Наоборот, лишь при получении определенной совокупности доказательств по уголовному делу признание обвиняемым своей вины может учитываться, но и в этом случае такой учет не должен иметь преимущественного характера. Формулировка «признание обвиняемым своей вины может быть положена в основу обвинения» по своей сути порочна и напоминает времена, когда признание обвиняемым своей вины рассматривалось как основное доказательство.

В УПК порой имеет место излишнее перечисление. Например, в п.5 ч.1 ст.51 сказано, что участие защитника обязательно, если «лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь». Санкции «пожизненное лишение свободы» и «смертная казнь» поглощаются санкцией «свыше пятнадцати лет», поэтому являются с логической точки зрения излишними.

То же касается общего правила, запрещающего создание опасности для жизни и здоровья субъектов уголовно-процессуальных отношений при производстве следственных действий (ч. 4 ст.164 УПК). Этот принцип распространяется на все следственные действия. Однако в УПК он неоднократно повторяется: в отношении следственного эксперимента (ст. 181 УПК), получения образцов для сравнительного анализа (ч. 2 ст.202 УПК), понятых (ч. 3 ст.170 УПК). Видимо законодатель руководствовался не логикой изложения, а непоследовательными качествами человеческого сознания.

Тем же приемом пользуется законодатель, когда запрещает постановку наводящих вопросов при допросе (ч. 2 ст.189 УПК), при предъявлении для опознания (ч. 7 ст.193 УПК), при проверке показаний на месте (ч. 2 ст.194 УПК). Вместе с тем было бы разумно запрет наводящих вопросов распространить на все следственные действия и учесть при этом, что наводящими могут быть не только вопросы, но и жесты, мимика, поведение.

Наряду с излишеством перечислений в УПК имеют место и логически неполные фразы. Например, в п.3 ч.4 ст.57 говорится, что эксперт не вправе «проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств». Непонятно, почему в этом перечне субъектов отсутствует прокурор, ведь он тоже имеет право проводить расследование, поэтому данное правило должно быть распространено и на него.

Отдельные запреты в УПК носят надуманный характер. Например, защитнику запрещено участвовать в производстве по уголовному делу, если он ранее участвовал в нем в качестве судьи, прокурора, следователя, дознавателя и т.д. (п.1 ч.1 ст.72 УПК). А было бы интересно посмотреть, как такой защитник обходил бы узкие места обвинения им самим же построенные. Может быть в подобной ситуации мы имели бы гарантированное выполнение защитником своих обязанностей на высоком уровне, или гарантированный развал уголовного дела? Может быть, иногда стоило бы посмотреть в воспитательных целях дознавателю, следователю, прокурору, судье на подобную работу защитника?

Согласно ч.5 ст.114 УПК, интересно наблюдать за рождением нового субъекта уголовного судопроизводства — Президента РФ.

Вызывает вопросы появление института извещения о дне предъявления обвинения (ст. 172 УПК) и беспокойство, не повлияет ли отрицательно этот институт на эффективность осуществления уголовного судопроизводства?

Из приведенных примеров видно, что семантическая характеристика нормативных предписаний нового УПК РФ не проста, а порой даже трудна. Например, мало кто с первого раза сможет понять суть требований, изложенных в ч.5 ст.410 УПК: «В случае, когда по уголовному делу осуждено или оправдано несколько лиц, суд не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных и осужденных, в отношении которых надзорные жалоба или представление не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение».

В такой ситуации толкование уголовно-процессуальных норм приобретает особую актуальность. Это касается также и опытных юристов.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Новый УПК РФ представляет собой образец тщательно разработанного отраслевого законодательства, регулирующий в достаточно полной степени уголовно-процессуальные правоотношения.

2. Вместе с тем, УПК РФ не лишен ряда семантических изъянов, которые в общей массе составляют небольшую часть. Это подтверждает философское положение о том, что ничего совершенного в мире не существует. Однако имеющиеся изъяны способны затруднить возможность правильного понимания и применения норм уголовно-процессуального законодательства.

3. Имеющиеся семантические изъяны УПК РФ не являются непреодолимыми. Наоборот, они могут и должны быть преодолены с помощью таких вспомогательных средств, как применение принципов права, институтов толкования, усмотрения, конкретизации, аналогии и т.д. Основная роль должна принадлежать практике применения, одобренной вышестоящими инстанциями, закрепленной в соответствующих актах толкования.

При преодолении семантических изъянов УПК РФ большая роль отводится субъектам правоприменения, их профессиональным и личностным качествам, на которые можно и нужно влиять в положительном смысле. Это предполагает сложный комплекс мероприятий по повышению профессионального и личностного роста субъектов правоприменения.

Примечания

¹ См.: Черданцев А.Ф. «Соответственное» применение и толкование норм права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1969 год. Свердловск, 1970.

¹ См.: Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962; Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967; Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972; Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972; Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976; Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1980; Хабибулина Н.И. Язык закона и его толкование. Уфа, 1996; Хабриева Т.Я. Толкование Конституции РФ: теория и практика. М., 1998. и др.

² См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона: вопросы терминологии. М., 1987.